

ЗЕМСКИЙ СОБОР

В январе Земский собор приступил к выборам. Очевидцами этого события были два русских купца и шведский агент Брюнно, приехавшие в Новгород из Москвы в середине февраля 1613 года. Земские власти отпустили их из Москвы, преследуя дипломатические цели. Шведский лазутчик и московиты были допрошены в Новгороде, и с их слов Делагарди записал чрезвычайно важные показания. В Москве бояре склоняются к избранию Карла Филиппа, но помеха для них — казаки, которые выдвигают кандидатов из русской знати.

Первые же недели заседаний собора показали, что выборы грозят затянуться на долгое время. На корону претендовали многие знатные фамилии, и никто не желал уступить дорогу другому.

Выборщики разбились на множество групп, и всяк ратовал за своего избранника. «Много было волнения всяким людям, — писали очевидцы, — каждый хотел по своей мысли делать, каждый про своего говорил». Большинство из вельмож, желавших царствовать, отметил летописец, подкупали людей, «дающе и обещающе многие дары».

Обсуждение кандидатов зашло в тупик. При таких обстоятельствах все большее значение стали приобретать требования казачества, сохранившего единство.

По свидетельству Брюнно, на соборе казаки предложили избрать в цари князя Дмитрия Трубецкого. Члены собора отклонили его. Тогда казаки назвали имя Михаила Романова.

На соборе обсуждали многие кандидатуры, но предложение относительно Михаила, видимо, привлекло наибольшее внимание. Двоих купцов, покинувших Москву не ранее середины января, упомянули об этом эпизоде и подчеркнули, что «бояре были совершенно против этого и отклонили это на соборе». Михаил носил титул стольника. Но среди членов собора было множество других стольников, далеко превосходивших знатностью Романова. Купцы указали на

позицию бояр, не упомянув о мнении прочих соборных чинов и народа.

Не добившись своего, казаки, как отметил Брюнно, «попали на совет и решили между собой», что подадут голос за князя Дмитрия Черкасского. Показание шведа подтверждает, что решение о кандидатах в цари казаки принимали после обсуждения на совете, иначе говоря, на казацком круге, на котором решали дела «между собой». Мнение круга было отвергнуто.

Имя Михаила Романова было популярно в столице. Однако на первых порах наибольшие шансы на избрание имел, казалось бы, правитель, глава триумвиата. Он принадлежал к знати высшего разбора. В Тетради Дворовой Ивана Грозного Трубецкие были записаны в список удельных князей выше Воротынских, Одоевских и Черкасских. Они продолжали владеть родовыми землями, включая столицу удела Трубчевск.

В конце опричнины один из князей Трубецких занял высший пост в опричной армии. После смерти Грозного Трубецкие были единственными из знатных лиц, кто заступился за Богдана Бельского.

Царь Василий не жаловал Трубецких, и князь Дмитрий Тимофеевич бежал в Тушино, где сразу получил от «вора» боярский титул. Как самый знатный из слуг «Дмитрия», Трубецкой名义上 возглавил его Боярскую думу. В Земском ополчении после гибели Ляпунова он занял пост главнокомандующего. Превосходя всех «породой», князь Дмитрий не отличался способностями и не блестал подвигами на поле брани. Летописец имел основание писать, что в ополчении Трубецкой не пользовался «честью».

«Воровские» бояре Трубецкой и Черкасский представляли на соборе Первое и Второе ополчения. Стольник Пожарский уступал им в знатности и должен был отступить в тень.

Москва приготовилась к выборам, и правитель постарался заручиться поддержкой казаков.

Архивы сохранили краткую повесть о событиях тех лет. Она получила наименование «Повесть о Земском соборе».

Авторы повести принадлежали скорее всего к низам общества, может быть, к казакам. Они были хорошо осведомлены о событиях, происходивших в казачьем войске, на улицах и в думе, безошибочно называят имена главных бояр. Более точно повесть можно назвать так: «Сказ об избрании царя Михаила».

По свидетельству авторов «Сказа», Трубецкой «учрежаше столы честныя и пиры многия» на своем дворе. Князь потчевал казаков в течение полутора месяцев, «моля их, чтоб быти ему на Росии царем». Гости в глаза хвалили боярина, а за спиной смеялись над ним.

Казаки знали, на чьи деньги их вождь устраивал пиры. Взяв штурмом Китай-город, атаманы разгромили и ограбили двор Федора Андронова, ведавшего царской казной в Москве. В их руки попало, надо думать, немало денег. По словам осведомленного летописца, казаки вновь и вновь требовали себе жалованье, «а то себе ни во что поставиша, что всю казну Московскую взяша; и едва у них немного Государевы казны отняша». Дело чуть не привело к кровопролитию, когда казаки, по словам летописца, «хотеша побить начальников». Казаки завоевали город и не собирались отказываться от добычи.

Трубецкой стал утрачивать опору в армии, когда попытался вернуть в казну часть захваченной казаками казны и военной добычи.

Уже Иван Философов сообщил полякам, что на Москве «казаки бояром и дворянном сильны, делают что хотят».

Составители Сказа живо зарисовали уличную картинку: на улицах столицы казаки не кланялись знати, зато бояре в страхе уступали им дорогу: «От боярска же чина никто же с ними в преки (в спор) глаголети не смеюще и на пути встречающе и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы своя поклоняюще».

Чтобы объяснить положение, сложившееся в Москве к концу 1612 года, надо заметить, что гражданская война разрознила общественные силы России и только одни казаки сохранили единство благодаря примитивной, но действен-

ной системе управления — казачьему кругу. Столкновение Земского собора и круга составило стержень избирательной кампании.

Состав собора был неопределенным, а процедуры принятия решений не разработаны. На круге казаки голосовали, бросая вверх шапки. Принятое таким способом решение было обязательным для всех.

Казачий круг нес полную ответственность за расправу с признанным главой Первого земского ополчения, талантливым воеводой Ляпуновым. В подмосковных таборах казачий круг пользовался не меньшим влиянием, чем Совет земли. В марте 1612 года казачий круг принял решение о признании царем псковского «вора» — Лжедмитрия III. Совет должен был подчиниться кругу.

Войско продолжало собирать круг на протяжении всей выборной кампании 1613 года. Когда прения на соборе зашли в тупик, повествуют авторы «Сказы», «советовав всем казачьим воинством и приступиша казаков до пяти сот и больше ко двору крутицкого митрополита, и врата выломали, и всыпали во двор, и глаголеша з грубыми словесы митрополиту: «Дай нам, митрополит, царя государя на Росию кому нам поклонитися и служити и у ково жалованья просити, до чего нам гладною смертию измирати!» Митрополит же страхом одержим и бежа через хоромы тайными путями к боярам и сказа все по ряду боярам: «Казаки хотят мя жива разторгнути, а прошают на Росию царя».

Митрополит Крутицкий Иона был старшим в столице иерархом ввиду кончины в тюрьме патриарха Гермогена. Поэтому казаки пытались использовать его авторитет, чтобы ускорить избрание государя. Свидетельство авторов «Сказы» позволяет объяснить действия казаков на соборе. Круг постановил поддержать того кандидата, у которого будут наибольшие шансы занять трон без всякого промедления. Видимо, круг далеко не сразу остановил свой выбор на Михаиле Романове.

Собор испробовал разные средства, чтобы избавиться от опеки круга. Разрядный приказ издал распоряжение об от-

правке казаков в поход на Заруцкого. Если бы воеводам пришлось иметь дело с отдельными сотнями, приказ был бы выполнен. Но воеводам приходилось иметь дело с «войском». Земский собор в грамоте казанцам сообщал: «А без государя (до избрания монарха) ратные люди — дворяне, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и всякие ратные люди, на черкас и на Ивашка Заруцкого идти не хотели».

Бунт в земской рати начался в тот момент, когда Заруцкий увел две с половиной тысячи казаков из осадного лагеря под Москвой. Мятеж получил продолжение, когда войско отказалось выступить против Заруцкого. Малочисленные дети боярские последовали примеру казаков, отказавшихся выполнить приказ командования и покинуть столицу до избрания царя.

Попытки казачьего круга диктовать свою волю полномочному Земскому собору вызвали возмущение земских выборных. Они постановили вернуть в Москву руководство Боярской думы, чтобы положить конец своеволию казаков.

Михаил утратил бы все шансы, если бы Семибоярщина сохранила единство. Но внутри боярского правительства единодушия не было и в помине.

ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА

7 февраля собор прервал заседания на две недели, чтобы дождаться бояр. Верхи должны были объединить свои силы, чтобы довести дело избрания царя до конца.

Кампания вступила в критическую fazu. Со времен воцарения Годунова на Руси сложились традиции выборов. Родня и сторонники кандидата собирали свой особый собор и составляли «хартию» с обоснованием его прав на корону. Годуновский собор был созван патриархом и был достаточно авторитетным.

В 1610 году митрополит Филарет склонил на свою сторону патриарха Гермогена и добился поддержки народа. Но спустя два года ситуация переменилась.

Церковные иерархи сторонились казаков после их налета на двор крутицкого митрополита. Сторонники Михаила обратились к келарю Троице-Сергиева монастыря Авраамию. Монастырь оказал неоценимую помощь казакам во время осады Кремля. Келарь не раз привозил в тaborы казну для раздачи обнищавшему воинству.

Романовская партия созвала совещание на подворье у Богоявления на Торгу в Китай-городе. Троицкий келарь Авраамий Палицын описал сбороище как очевидец. На Троицкое подворье, отметил он, явились «многие дворяне, и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки».

Если бы на монастырском подворье присутствовал хотя бы один член думы — боярин или дьяк, хотя бы один князь, келарь непременно отметил бы это.

Иван Романов был единственным из членов Семибояршины, получившим большие земельные пожалования «при боярех», что означало — от Трубецкого. Князь желал привлечь Романова на свою сторону и добился своего.

Иван Романов заболел и перенес удар в годуновской ссылке. По донесению приставов, он был болен «старою своею черной болезнью, рукою и ногою не владеет, и язык ся отнял»; «рукою не владеет, на ногу маленко приступает». Недуг сказался на характере и образе поведения калеки. Примечательно прозвище боярина — «Каша». В угоду Трубецкому и старшим членам Семибояршины Иван Никитич выступил с возражениями против избрания племянника.

Подобно Романову высшие церковные иерархи не желали портить отношения с земским правительством. Троицкий архимандрит Дионисий поддерживал тесную дружбу с Трубецким в течение всей московской осады. На совещании у Богоявления он не присутствовал.

Хорошо известны имена лиц, которые провели выборную кампанию Бориса Годунова или Василия Шуйского.

Инициаторы избрания Михаила поименно неизвестны. Причина та, что ни претендент, ни его ближайшее окружение в избирательной кампании вовсе не участвовали или, как Иван Романов, выступили против родственника.

С некоторой неопределенностью Палицын пишет, что к нему на двор принесли писания, составленные от имени разных чинов — «каждо своего чину писание». Пришедшие просили келаря огласить на Земском соборе их «совет».

Казалось бы, Палицын должен был помнить имена тех, кто затеял дело вместе с ним. Но он припомнил только одно имя — калужского торгового человека Смирного Судовщикова. То был персонаж совсем маловажный, игравший незначительную роль даже в ставке Лжедмитрия II и его казацкого войска в Калуге. Тесные связи Судовщикова с войском и побудили его выступить на стороне Михаила.

Большое влияние сохраняли столичные гости. Но они не оказали поддержки Романовым и внимательно следили за тем, что происходит в думе, так как избрание царя помимо думы не имело законной силы.

Никто не верил в успех Романова, и потому составителям «хартии» в его пользу не удалось привлечь для выступления на соборе сколько-нибудь заметную личность.

Выступить от имени дворянской курии было поручено некоему сыну боярскому из Галича. Галич соседствовал с Костромой, где располагались родовые вотчины Романовых. Оратором на Земском соборе выступил, как видно, земляк претендента.

Имя казацкого выборщика «атамана с Дона» также не было названо, потому что само по себе имя не имело значения. Михаил был избран на трон казацким войсковым кругом, члены которого — «старые» казаки были равны и несли одинаковую ответственность за решения. Описанные обстоятельства объясняют полную пассивность Романовых в избирательной кампании. Михаил не только не доверял, но панически боялся тех, кто усадил его на престол.

Абраамий Палицын был одним из лучших писателей Смутного времени и, надо думать, участвовал в составлении

«хартии». В своем «Сказании» он не удержался от соблазна и приукрасил свое повествование ссылкой на чудо. По его словам, при утверждении царского избрания каждый чин представил свое писание, но когда их снесли воедино, «не обретеся ни в едином словеси разнъствия, но яко во едино собравшеся, написашя», «сие же бысть по смотрению единого всесильного Бога».

По чину одним из последних принес писание купец, и его писание совпадало с другими «хартиями».

Дословное совпадение наказов наводит на мысль, что разным чинам были переданы копии общего наказа, разработанного на совещании у Богоявления.

В назначенный день, 21 февраля, избирательный собор возобновил работу. В столице собралось множество выборных представителей земли: дворян, духовных лиц, посадских людей и даже государственных крестьян. Большой Кремлевский дворец был переполнен. В дворцовых палатах с трудом разместились земские чины. Вся площадь перед дворцом была заполнена народом.

По официальной версии, собравшиеся в общем порыве как бы едиными устами провозгласили царем Михаила Романова. Совершенно иначе трактовали дело осведомленные иностранцы. Шведские лазутчики доносили из Москвы, что казакам, ратовавшим за Романова, пришлось осадить Трубецкого и Пожарского на их дворах, чтобы добиться избрания угодного им кандидата. Новгородские власти также утверждали, будто казаки повлияли на выборы своим «воровством» без согласия бояр, дворян, лучших посадских людей. Польская информация как две капли воды походила на шведскую и новгородскую. Литовский канцлер Лев Сапега бросил в лицо пленному Филарету такую фразу: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки-донцы». То же самое сказал Александр Гонсевский боярину Воротынскому: Михаила «выбирали одни казаки». При избрании Михаила на трон, утверждали шведские эмиссары, казаки были «в московских столпех сильнейшии».

Воссоздать подлинные обстоятельства выборов 1613 года помогают показания непосредственных участников собора —

стольника Ивана Чепчугова и двух других дворян — Никиты Пушкина и Фоки Дурова, попавших в 1614 году в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, и их рассказы совпадали между собой во всех деталях. Недавние выборщики начали рассказ с того момента, когда собор решил вызвать в Москву всех знатнейших бояр и думцев, прежде уехавших оттуда.

Совершенно невероятно, чтобы Трубецкой и его сотоварищи направили приглашение главным боярам, не проведя предварительных переговоров и не выставив определенных условий. Показания Чепчугова подтверждают такое предположение. До открытия собора 21 февраля, когда в Москву стали съезжаться великие бояре, «некоторым говорили, что надо усердно помолиться Богу и затем бросить жребий между тремя лицами — князем Дмитрием Трубецким, князем Иваном Голицыным и Михаилом Романовым, кого из них Бог пожелает дать в государь». Предложение было хорошо обдуманным. Именно так, посредством избрания трех кандидатов с последующей жеребьевкой, на Руси выбрали первого патриарха Иова.

Боярское правительство явно искало компромисса, предложив или согласившись на список из трех лиц. Трубецкой представлял освободительное движение, Голицын — Семибоярщину, Романов пережил осаду вместе с Семибояршиной.

Компромисс, вероятно, был достигнут до открытия собора. Еще 2 февраля 1613 года земское правительство направило в Польшу гонца, поручив ему добиваться освобождения из плена Филарета, Василия Голицына и их товарищей. Задержав большое число пленных поляков, среди них очень знатных лиц, русские власти рассчитывали быстро обменять их на задержанных в Польше послов Семибоярщины.

Предложение о трех кандидатах рассматривалось собором и было отвергнуто. Обсуждались и другие проекты. Об одном из них сообщают авторы «Сказа». Великие бояре предложили казакам список кандидатов, включавший «седьм вельмож боярских», в своем роде новую Семибоярщину. В спи-

сок попали четыре члена Семибоярщины — Мстиславский, Воротынский, Иван Романов, Федор Шереметев; земские воеводы Трубецкой и Пожарский, а также Иван Черкасский. Первым кандидатом, в соответствии с местническими порядками, стал Мстиславский, а имя стольника Михаила Романова вообще не упоминалось.

Можно ли доверять известию об образовании новой Семибоярщины? Едва ли. Двою из названных в «Сказе» лиц — Пожарский и Черкасский — не имели боярского чина.

Отдельно авторы «Сказы» отметили, что к семи «вельможам боярским» присоединили кандидатуру князя Петра Пронского. Будучи стольником, князь Петр служил в помощниках Пожарского в Ярославле. Князя включили в список, видимо, в угоду рязанцам, сыгравшим выдающуюся роль в земском движении.

Земский собор отклонил все представленные ему списки, так же как и сам принцип жеребьевки. Компромисс не помог преодолеть разногласия.

Казаки выражали возмущение: «Они, казаки, выдержавшие осаду Москвы и покорившие ее, теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, поэтому хотят они немедленно получить государя, чтобы знать, кому они служат и кто должен награждать их за службу».

Шло время, и чаша весов все больше склонялась в пользу Михаила Романова. Москвичи четко помнили, что на соборе говорили «паче всех казаки, что быти Михаилу царем».

Характерная черта Романова на первых порах не поддержал никто из влиятельных и хорошо известных деятелей. Причина была та, что Романовы в отсутствие Филарета не сумели склонить на свою сторону боярское руководство, и их избирательная кампания не шла ни в какое сравнение с кампанией Трубецкого. Немало значили местнические предрассудки. «Великие бояре», князья не могли признать пре восходства стольника Михаила Романова.

Даже рязаные сторонники Михаила поверили в успех дела с запозданием. Никто из них не удосужился вызвать претендента в столицу.

Земский собор выслушал дословно совпадавшие «хартии» в пользу избрания Михаила и без задержки вновь отклонил его кандидатуру. Тупик преодолеть не удалось, и тогда раздались голоса, требовавшие не прерывать заседаний собора до избрания государя: «завещания полагают, да не отступят от места сего, преж даже не изберетца царь Московскому государству».

Во время прений выборщик от Галича зачитал выпись «о сродстве цареве, како благочестивый царь Федор Иоаннович, отходя сего света, вручил скипетр и венец братану своему боярину Федору Никитичу».

Казаки подхватили этот довод. Согласно «Сказу», они со слались на благословение христолюбивого царя Федора Ивановича: «кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Росии князю Федору Никитичю Романова; и тот ныне в Литве полонен, и от благодоброго корене и отрасль добрая сын его князь Михайло Федорович».

Приведенные свидетельства полностью совпадают с показанием Чепчугова, Пушкина и Дурова: «Царю Федору Ивановичу» Михаил ближе всех «сродни»; умирая, царь Федор «поручил и приказал царство» отцу Михаила и его потомкам.

Бояре поручили переговоры с народом Ивану Романову. Содержание речи одинаково передано в «Сказе» и в показаниях Чепчугова, Пушкина и Дурова. По «Сказу», Иван «поплакала: “Тот князь Михайло Федорович еще млад, и не в полнем разуме, кому державствовать?”»

По показаниям Чепчугова, Иван Романов высказал толпе «некоторые затруднения», указал на молодость претендента и просил ввиду его отсутствия «отложить решениё вопроса до его прибытия, чтобы можно было лучше подумать над этим».

Слова Ивана Никитича несли печать двусмыслиности. Боярин ссылался на молодость претендента, но отнюдь неставил под сомнение права племянника на трон.

Иван Грозный, на долю которого также выпало сиротское детство, с обидой писал, что его недруги сомневались

в его умственных способностях. «Младенчествующий разумом» — так говорили о нем крамольные советники. Но царю было в то время тридцать лет, и он имел основание для обиды.

Слова Ивана Романова о «неполном разуме» племянника не имели оскорбительного оттенка. Они означали лишь то, что Михаил возмужает разумом с годами.

Сохранилось глухое предание о том, что Федор Шереметев якобы писал князю Василию Голицыну: «Выберем Мишу Романова; он еще молод и разумом не дошел, и нам будет повадно». Однако это предание лишено достоверности.

Речь Ивана Романова не произвела впечатления на членов Земского собора. Однако последнее слово осталось за народом. Ты стар, заявили казаки Ивану Никитичу, «в полном разуме» и «ему крепкий потпор будеши».

Толпа на площади требовала немедленного избрания государя. «Мы выдержали осаду Москвы и освободили ее, — заявляли казаки, — а теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, мы хотим немедленно присягнуть царю, чтобы знать, кому мы служим и кто должен вознаграждать нас за службу».

Неудача с избранием одного из русских претендентов побуждала членов собора вернуться к обсуждению вопроса, «выбрать ли государя из своего народа или из иностранных государей».

Как только весть об этом распространилась в народе, «казаки и чернь сбежались и с большим шумом ворвались в Кремль к боярам и думцам, напустились на них с сильными ругательствами»: «Бояре потому не выбирают в государи никого из здешних господ, чтобы самим править и одним пользоваться доходами страны, и, как случалось раньше, снова отдать государство под власть чужого народа».

Бориса Годунова привели на трон мирные шествия москвичей. На стороне Романова выступил вооруженный, бунтующий народ.

Насилие над думой стало апогеем мятежа в армии. По «Сказу», они тряслись от страха и «лица их кровию преме-

няющиеся». Знать помнила о судьбе Ляпунова. В страхе перед мятежом дума принесла присягу юному Романову.

Без приговора главных бояр избрание Михаила не могло считаться законным. Но казаки навязали думе присягу, что и заменило выборную процедуру на соборе. Формальное голосование в «низших» куриях стало излишним и, более того, невозможным. В силу традиции соборным чинам осталось присоединиться к «решению» думы.

Было ли проведено общее голосование на соборе? Сын боярский Федор Боборыкин в письме родственникам сообщал, что «московские простые люди и казаки по собственному желанию и без общего согласия других земских чинов выбрали великим князем» Михаила Романова. Слуга Боборыкина устно подтвердил это показание.

Видимо, «московские простые люди», располагавшие оружием, сыграли на выборах не меньшую роль, чем казаки.

Смута близилась к концу, но на пороге был бунташный век. «Казаки и чернь, — согласно показанию Чепчугова, Пушкина и Дурова, — не отходили от Кремля, пока дума и земские чины не присягнули» Михаилу Романову.

Не голосование выборщиков, а угроза мятежа определила успех Романовым. Земский собор не имел сил, чтобы подавить мятеж. Круг одержал верх над собором.

Конечно, Мстиславский с товарищами подчинились казакам не только из страха. Стольник Романов был в их глазах фигурой нейтральной, человеком, неизменно повиновавшимся им в течение всей московской осады, не замешанным ни в какие мятежи. Семибоярщина вполне могла рассчитывать на то, что при новом государе она вернет себе власть.

Казаки имели богатый опыт и могли в любой момент выдвинуть из своей среды при рожденного царевича или даже царя. Однако псковский «вор» был казнен в начале интриги, и это послужило грозным предостережением для авантюристов. Имело значение и то, что главные заводчики крамолы покинули таборы с Заруцким.

Члены думы из числа сторонников Михаила поторопились объявить о его избрании народу, надеясь таким путем положить конец разраставшемуся мятежу.

Старшие бояре предпочли остаться в тени. К народу вышел Василий Петрович Морозов, не принадлежавший к руководству думы. Боярин служил в ополчении Пожарского, но ничем особенным не проявил себя. Морозовы были в родстве с матерью Михаила.

С Морозовым к народу вышли рязанский архиепископ Феодорит и архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф.

В сопровождении келаря Авраамия Палицына и других персон Морозов проследовал на Лобное место и обратился с речью к народу. Он объявил об избрании Романова. Крики толпы были восприняты собравшимися как общее одобрение.

Сначала казаки принудили бояр «при себе» крест целовать, а вслед за тем присяга была перенесена на площадь. Туда вынесли шесть крестов: «поставиша казаком на целование». Замирение казаков было задачей первоочередной. Мятеж мог сорвать царское избрание.

Приказные наспех составили крестоцеловальную запись. Членам думы и собора ничего не оставалось, как утвердить ее. Присяга обязывала верно служить Михаилу, его царице, которой не было и в помине, и возможным детям. Поданные поклялись, что никогда не передадут трон ни литовским, ни шведским королям либо королевичам, ни боярам «из русских родов», ни Маринке и ее сыну.

Шведские лазутчики сообщали из Москвы, что «большая часть бояр» (очевидно, детей боярских) удалились из Москвы в свои поместья, чтобы уклониться от присяги Михаилу. Немало дворян, как видно, отказались подчиниться решению круга.

Характерно, что с 21 по 25 февраля грамоты по городам продолжали писать от имени двух правителей — Трубецкого и Пожарского, и лишь с 26-го числа в города был послан текст присяги и в грамотах обозначено имя великого государя Михаила Федоровича.

Грамота в Пошехонье с извещением об избрании Михаила от 25 февраля была подписана главой думы князем Федором Мстиславским, боярами Федором Шереметевым и

Андреем Нагим, окольничим Федором Головиным, князем Дмитрием Пожарским и Иваном Морозовым, а также выборными дворянами от Мценска и Погорелого Городища. Как видно, вслед за Мстиславским и Шерemetевым к партии Романовых примкнул Пожарский.

Государство Русское переживало неслыханно трудные времена. Чтобы сладить с наседавшими отовсюду врагами и умиротворить страну, нужен был опытный вождь. Шестнадцатилетний Михаил менее всего походил на такого вождя. Но его избрание стало свершившимся фактом.

Возражая против кандидатуры Михаила, бояре указывали на то, что еще в бытность свою в Москве тот отвечал отказом на предложение занять трон. Казалось бы, в таких условиях надо было как можно скорее снарядить посольство к избранному государю. Однако прошло полторы недели, прежде чем посольство Земского собора покинуло столицу. Его должны были возглавить главные бояре. Только они могли наречь государя на царство. Но Мстиславский и другие руководители думы уклонились от такой чести. Миссия была возложена на Федора Шерemetева, родню Романова. Шерemetев и Романов были женаты на двоюродных сестрах.

Почему казаки, предлагая своих кандидатов, первым неизменно называли Трубецкого, но в конце концов настояли на избрании Михаила?

Исаак Масса кратко и точно указал на то, что Романов «избран войском». Это войско отличалось от разгромленной армии Семибоярщины. Земская рать была порождением гражданской войны. Помимо казаков, войско включало отряды вооруженных москвичей, численность которых была велика. Дети боярские и стрельцы также входили в состав войска, но сравнительно в небольшом числе.

Народ не забыл, что тушинский боярин Трубецкой осаждал их город, возглавляя «воровскую» рать. Результатом был голод, от которого более всего страдало малоимущее население столицы.

Объясняя причины своего участия в мятежах, казаки указывали на притеснения «лихих бояр»: «Государь (Лжедмит-

рий I), де, нас хотел пожаловати, да лихи, де, бояре, переводят, де, жалованье бояря, да не дадут жалованья».

Трубецкой не пользовался особым авторитетом у казаков. Но он окончательно погубил себя в их глазах, когда стал отбирать жалованье, а точнее, военную добычу и деньги, доставшиеся казакам после захвата Москвы. Казаки увидели в своем вожде «лихого боярина». Добрый царь пожаловал бы их, а Трубецкой отнимал у них то, что причиталось им в счет царского жалованья.

Будучи уверен в поддержке казачьего войска, Трубецкой не сомневался в победе. Неудача едва не свела его в могилу: «лицо у него ту с кручины почерне, паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего».

Михаил Романов был в малых летах, и от него легче было востребовать найм за все годы службы.

Некогда предки Михаила Захарыны слыши гонителями: они секли и вешали ни в чем не повинных новгородцев, готовились послать на костер Максима Грека. Со временем гонители превратились в гонимых. В годы опричнины подверглись казни более половины их потомков — шесть-семь членов рода. По приказу Грозного знаменитый Никита Романов был ограблен до нитки.

Царскому шурину Никите Романовичу суждено было стать героем народных сказов и былин. Грозный публично объявил, что намеревался после Новгорода разгромить боярскую Москву и лишить трона старшего сына. Из народных песен следовало, что именно Никита Романов защитил наследника и тем спас от Скуратова царствующий град. После смерти Ивана IV Романов, став опекуном, правил за слабоумного племянника царя Федора.

Дети Никиты были главными претендентами на трон после кончины царя Федора. Внук стал претендовать на корону после низложения Шуйского. Он унаследовал от отца и деда популярное имя.

Три избирательные кампании Романовых закончились поражением. Но каждая новая неудача понемногу прибли-

жала их к заветной цели. Многолетние усилия принесли плоды с запозданием, когда многим казалось, что звезда Романовых с пленением Филарета навсегда закатилась.

Рюриковичи имели несравненно больше прав на корону, чем Романовы. Но самодержавные порядки успели наложить печать на психологию народа.

Рожденный на троне, Иван Грозный считал, что власть русского самодержца выше власти польского короля, который получает трон путем выборов, «по многомятежному человеческому хотению». Бедствия Смутного времени подкрепили предрассудки самодержца. Составители Утвержденной грамоты об избрании Михаила сделали удивительное признание. Выборные цари, по их словам, принесли России несчастья.

Главный аргумент сторонников Михаила сводился к тому, что в отличие от выборных царей он избран не людьми, но Богом, так как происходит от благородного царского корени. Ссылка на Бога снимала вопрос о том, был ли Романов избран свободным волеизъявлением Земского собора.

Иосифлянское руководство церкви немало потрудилось над тем, чтобы укоренить в головах людей идею божественного происхождения самодержавной власти главы православного царства — Третьего Рима.

Не родство с достославным Рюриком, но близость и родство с династией Ивана IV давали право на занятие его трона. Палицын изложил эту идею в кратких словах: достойно воистину быть царем Михаилу, «братаничу» великого государя Федора Ивановича, сыну Федора Никитича Романова.

Михаил происходит от царского благородного племени, «понеже он хвалам достойного великого государя Ивана Васильевича законная супруги царицы Анастасии Романовны родного племянника Федора Никитича — сын».

Мнимое родство вынесло Лжедмитрия на трон. Романовы были родней Грозного по его жене Анастасии Романовой. В Средние века родство по женской линии ставили ни

во что, тем более у царя Ивана было семь жен. Тем не менее это родство с самодержцем воспринималось всерьез.

Хутынский архимандрит Киприан объяснил шведам в Новгороде значение вновь избранного царя: «он таки прямой царский корень, да еще такого великого корени — грозного государя царя Ивана».

Беда претендента заключалась в том, что он был вовсе не подготовлен к роли великого государя. До четырех-пяти лет Михаил жил в боярском тереме, окруженный заботами родителей. Но в то самое время, когда начал формироваться характер отрока, семью постигла катастрофа. Михаил был разлучен с родителями, попал под стражу и был сослан в заточение на далекий Север. Столь гибельные перемены могли сломить любого. Мальчику пришлось приспособливаться, чтобы остаться в живых. В его характере появились такие черты, как смиренение, склонность подчиняться чужой воле и приспособляться к любым неблагоприятным обстоятельствам, наконец, терпение. Эти качества не соответствовали представлениям о грозном самодержце. В хаосе Смутного времени стране нужен был решительный и опытный вождь. Михаил ни в коем случае не был таковым.

Годы, проведенные Михаилом в заточении на Белоозере, а затем в вотчине под Юрьевом, были безвозвратно потеряны для учебы, как и годы, проведенные в осаде в Кремле под выстрелами орудий земского ополчения. Михаил не мог получить образование в традиционных, весьма скромных рамках.

За несколько лет до воцарения Михаила голландец Исаак Масса написал одно из самых обширных и содержательных сочинений о Смуте в России. Он проявил редкую осведомленность о судьбах боярской семьи Романовых, которой симпатизировал. В 1614 году голландец писал о Михаиле следующее: «он вполне необразован и до такой степени, что мне неизвестно, может ли он даже читать письма».

Сохранились известия о том, что поляки заблаговременно узнали об избрании Михаила Романова и решили захва-

тить его в плен, но крестьянин Иван Сусанин спас царя ценой собственной жизни. О Сусанине повествуют исключительно поздние и легендарные источники. Единственное достоверное свидетельство — жалованная грамота царя Михаила 1619 года, выданная крестьянину Богдашке Сабинину, зятю Сусанина. В грамоте сказано, что польско-литовские люди схватили Сусанина под Костромой (там располагались вотчины Романова) и стали допрашивать его, где Михаил. «Про то (где Михаил. — *P. C.*) ведая» и терпя немерные пытки, Сусанин «про нас (Михаила. — *P. C.*) не сказал» и «за то польско-литовскими людьми был замучен до смерти».

Предположение, будто король Сигизмунд III, узнав об избрании Михаила Романова на трон, сумел опередить представителей Земского собора и королевские отряды прибыли под Кострому для плена Романова ранее Федора Шереметева, кажется фантастичным. Сигизмунд III с армией бежал из России, где продолжалась гражданская война. При русском бездорожье новости распространялись по стране и за ее пределами чрезвычайно медленно. Вплоть до 2 марта 1613 года даже в Москве никто точно не знал, где находится претендент на трон. Федор Шереметев получил наказ ехать за Михаилом не в Кострому, а в Ярославль или же «туда, где он, государь, будет».

По всей вероятности, Иван Сусанин, староста принадлежавшего Романовым села Домнина, спас не царя, а стольника Михаила Романова от одной из шаек, бродивших тогда по всей России.

В начале марта Земский собор сформировал многочисленное посольство к царю Михаилу и государыне его матери Марфе. В состав посольства вошли бояре Федор Шереметев, князь Владимир Бахтеяров-Ростовский, окольничий Федор Головин, дьяк Иван Болотников, другие лица и многочисленная стража. С Шереметевым отправились рязанский архиепископ Феодорит, три архимандрита, троицкий келарь Авраамий Палицын, соборные старцы.

Шереметев был одним из столпов Семибоярщины. То, что именно он объявил царю Василию о его низложении, а Михаилу Романову о его избрании, отнюдь не было случайностью.

В Москве не знали точно, где находится Марфа с сыном. По некоторым сведениям, она ездила на богомолье в Макарьевский Сунженский монастырь, видимо, уже зная об избрании сына.

Послы остановились на ночлег в селе Новоселки под Костромой, где их встречали местные воеводы со множеством народа. На другой день, 14 марта 1613 года, духовенство возглавило крестный ход в Ипатьевский монастырь.

В монастыре Феодорит подал Михаилу и его матери писание от Земского собора с извещением об избрании на трон.

Ход переговоров изложен в грамоте посольства в Москву. Надо полагать, сами переговоры шли не на народе, а в кругу родни — наедине с Федором Шереметевым, Владимиром Бахтеяровым, племянниками Марфы Борисом и Михаилом Салтыковыми.

На первых порах старица Марфа «с великим плачем рыданьем» отказалась благословить сына на царство. Она указывала на молодость сына, на ненадежность подданных: «Московского государства многие люди ...в крестном целовании стали нестоятельны»; «всяких чинов люди по грехом измалодушествовались, дав свои души прежним государем, не прямо служили».

Вследствие полного разорения государства и отсутствия денег в казне невозможно «государевы обиходы полнити» для того, чтобы обеспечить достойное содержание царской семьи, чтобы жаловать служилых людей и воевать с королем.

Романовы высказывали особое беспокойство о судьбе плененного Филарета: узнав об избрании на трон Михаила, польский король тотчас велит «какое зло учинить» над его отцом.

Послы старались рассеять опасения Марфы. Относительно судьбы Филарета они объявили, будто власти уже послали

королю в обмен на него много польских и литовских людей, «что им надобен», так что ждать владыку недолго, он будет освобожден «по своей к Богу великой вере и правде». Послы погрешили против истины, стремясь рассеять тревогу Марфы.

В конце концов Михаил с матерью согласились подчиниться приговору Земского собора. В тот же день Феодорит и бояре отвели Романова в Троицкий собор пригородного Ипатьевского монастыря и нарекли его на государство. Духовные лица передали ему царский посох.

ЦАРСКИЙ ПОЕЗД

Известие о наречении государя было получено в Москве 24 марта. Сторонники Михаила ждали его скорого возвращения в столицу. Но он надолго задержался в Ярославле. Недавняя столица Пожарского казалась более надежным прибежищем, нежели Москва, все еще находившаяся под властью казаков Трубецкого.

Пасху в 1613 году праздновали 4 апреля. При благоприятных обстоятельствах царь, избранный 21 февраля, мог поспеть в столицу к великому празднику. Но этого не произошло. В Ярославле Романовы пробыли с 21 марта по 16 апреля.

Всем памятно было, что претендента на трон Лжедмитрия I встречало в Серпухове все руководство Боярской думы, а Василий Шуйский, не встречавший государя, едва не лишился головы. В Кострому не приехал ни один из старших бояр, а посольство к Михаилу возглавили бояре, занимавшие последнее место в думе.

Соперничество между земскими воеводами и бывшей Семибоярщиной не стихло, и никто из вождей не хотел покидать столицу. Старшие бояре не пожелали ехать для встречи царя в Ярославль, который совсем недавно был для них местом ссылки.

Глава посольства к царю Федор Шереметев адресовал свои первые грамоты в Москву Мстиславскому, что отвечало придворному этикету, но не соответствовало реальному положению дел. Когда Михаил Федорович запросил московские власти, как обстоят дела с запасами для содержания царской семьи, Земский собор отвечал, что бояре Трубецкой и Пожарский тотчас сделали распоряжения о сборе кормов по городам.

Федор Шереметев был одним из умнейших и опытнейших государственных деятелей России, и, надо полагать, он представил родне достоверные сведения о ходе выборов.

Казаки пожелали иметь царя, от которого можно было потребовать заслуженные деньги. Михаил и его мать привыкли видеть в казаках извечных мятежников и заводчиков крови. Два года, проведенных в осажденном Кремле, не прошли даром. В голове молодого Романова глубоко укоренился страх перед бунтующим народом.

Земский собор отправил к царю представителей казацкого круга. В Костроме царю били челом «от атаманов и казаков, ото всего войска» Иван Толстой и Иван Ус с пятью казаками. Еще раньше в ставку прибыли казаки, входившие в состав посольства Шереметева.

Романов не участвовал в избирательной кампании и не обещал казакам великих милостей. Тем не менее казаки настаивали на выплате им денег.

В грамоте собору Михаил жаловался на то, что атаманы и казаки «беспрестани нам бьют челом и докучают о денежном жалованье и о своих и о конских кормах, а нам их пожаловать нечем и кормов давать нечего».

В распоряжении Романова не было ни денег, ни припасов, и ему нельзя было показаться в столице, где казацкое войско потребовало бы у него то, чего требовали послы.

Пока царский поезд медленно продвигался к Москве, в окружении Марфы Романовой начал формироваться новый правительственный круг. Ранее других в него вошли Борис и Михаил Михайловичи Салтыковы, родня матери Михаила

Романова. По семейной близости они жили все вместе в Ипатьевском монастыре. Марфу всего более беспокоило отсутствие в разоренной Москве запасов для царской семьи и двора. В царской ставке был образован Приказ Большого дворца, во главе которого стал стольник Борис Салтыков, названный в Разрядах без чина дворецкого. Его брат Михаил Салтыков стал кравчим.

Государь распорядился прислать ему два посоха. Издавна посох в руках воевод был атрибутом власти.

Сановники, окружившие еще некоронованного государя, проявили редкое нетерпение. После наречения царя боярин Шереметев отправил Мстиславскому царский указ немедленно прислать «государеву печать и боярской список», так как, разъясняли авторы царской грамоты, «у нас, господа, за государевою печатью многие государевы грамоты стали». Боярская дума не выполнила указ. В грамоте, писанной после 17 марта, Шереметев пенял боярам, что уже «многажды» требовал присылки печати, но ответа не получил.

Когда печать была наконец прислана, Михаил и его окружение начали рассылать грамоты, скрепленные печатью. Земельные дела относились к числу неотложных.

Дворцовые кладовые были пусты и не могли обеспечить кормами не только казаков, но и царскую семью. Это было связано как с войной, так и с состоянием дворцовых владений. В грамоте Земскому собору от 8 апреля царь писал об этом с полной определенностью: «наши дворцовые села и черные волости розданы были в поместья и запущены, а иные и ныне в роздаче. И на наш обиход запасов и служилым людем на жалованье денег и хлеба сбирати не с кого».

Московские власти прислали царю Земляной боярский список 7121 года. Документ удостоверил факт неслыханного расхищения дворцовых земель. Нимало не считаясь с интересами Большого дворца, земские власти по случаю победы над поляками и Семибоярщиной щедро раздавали дворцовые волости отличившимся воеводам и дворянам.

Раздача земли «по боярскому приговору» не считалась окончательной. Пожалования земли были прерогативой царя. По-видимому, земские власти рассчитывали на то, что государь утвердит составленный ими боярский Земляной список 7121 года и не внесет в него больших перемен. Но они ошиблись. В Земляном списке нет данных о его утверждении в целом, но в нем находим 36 помет типа «при государе», «пожаловал государь». Часть помет подтверждала пожалования «при боярех», другие обозначали новые дачи.

Боярин Федор Шереметев сидел в Кремле с поляками и не мог претендовать на награду. Но он возглавил посольство от Земского собора к вновь избранному государю и был щедро за это вознагражден, добился возврата родовых вотчин, некогда отобранных у его родни. Как значилось в Земляном списке, «вотчин за ним старых и с тем, что ныне его государь пожаловал старою вотчиною дядей его 9214 чети». Федор Шереметев стал одним из богатейших людей своего времени.

У некоторых воевод, сыгравших выдающуюся роль в освободительном движении, новые власти конфисковали владения, записанные за ними в земском Земляном списке.

Так, за бывшим тушинским боярином Матвеем Колодкой-Плещевым числился посад Нерехта. Колодка был понижен из бояр в стольники, а Нерехта отписана на государя.

Бывший тушинский боярин Михаил Бутурлин владел городком Сапожок с 8000 четвертей пашни. Он также лишился боярства, а городок был «отписан на государя».

Крупные владения — 1200 четвертей, без обычной пометы «при боярех», получил чашник Афанасий Лобанов-Ростовский. Князь Афанасий служил в двух земских ополчениях и побывал в плена у поляков. Но сколько-нибудь заметной роли в земском движении не играл.

Без ссылки на земских бояр царь Михаил пожаловал землей кравчего Михаила Михайловича Салтыкова и его брата Бориса.

Членом посольства от Земского собора к царю был боярин Владимир Бахтеяров-Ростовский. Князь получил «но-

вые дачи, что ему дано при боярех» — более тысячи четвертей пашни. Сверх того «ныне пожаловал государь (ему) из роздачи» старую вотчину, прежде отобранную у Бахтеяровых и пущенную в раздачу.

Земские власти, почти два года распоряжавшиеся земельными пожалованиями, по-видимому, не собирались отказываться от этой практики. За решением возникших тяжб дворяне обращались к новому царю.

Стольник Владимир Татищев был челом государю, что был послан Шерemetевым в Кострому, а в его отсутствие бояре отняли у него поместье «без сыску» и передали Григорию Измайлову. Аналогичные жалобы поступали и от других лиц.

Царь сделал выговор думе и строго воспретил боярам и собору отбирать земли без сыска у всех дворян, в особенности же у служилых людей, находившихся с ним в московском походе. «Многие дворяне и дети боярские, — писал Романов Земскому собору, — бьют нам челом о поместьях, что вы у них поместья отнимаете и отдаете в раздачу без сыску; и вам бы те докуки от нас отвести»; «во всяких делах расправливать (чинить справу) по сыску в правду, чтоб нам о том не били челом»; «а которые ныне у нас и к нам приехали с властми и мы у тех (дворян) поместий и вотчин до нашего указу отыматъ не велели».

Земское правительство теряло одну позицию за другой. Оно назначало воевод для действий против неприятеля и для управления и сбора кормов в городах, пока не выяснилось, что в ряде городов уже сидят воеводы, присланные из походной ставки царя. Властям пришлось обратиться к государю с вопросом: «мы, холопи твои, в города учали были воевод и (людей) для сбору кормов отпускать, и воеводы приходят к нам, ...а сказывают, что де во все города воевод ...отпускают от тебя, государя; и мы, холопи твои, в города воевод и для казачьих кормов сборщиков посыпать без твоего государева указу не смеем».

Оставлять войско без «казачьих кормов» было опасно. Михаил милостиво разрешил собору впредь посыпать вое-

вод в города «по приговору», раз известно станет, что в тех городах «без воевод быть немочно». В царской грамоте сообщалось, куда именно разосланы городовые и полковые воеводы. В Казань государь назначил князя Юрия Ушатого, в Свияжск — князя Василия Щербатого, под Псков — князя Семена Прозоровского, в Бежецкий Верх — Федора Плещеева. На воеводстве в Казани сидели обычно думные чины. Но таковых «в походе» при особе царя почти и не было.

При избрании Борис Годунов преодолел сопротивление думы, созвав в Серпухове все дворянское ополчение. На выборах Романова ситуация была иной. Выборные люди из Нижнего Новгорода после 21 февраля просили у Земского собора разрешения всем ехать без промедления к царю Михаилу. Но собор отказал им. Среди дворян прочих «город» такого единодушия не наблюдалось. К царю отправилось сравнительно немного дворян. Романов обратил на это внимание бояр, и собор вынужден был оправдываться: «дворян, государь, и детей боярских без твоего государева указу с Москвы мы никуды не отпускали, опричь тех, которые отпущены к тебе, государю, в челобитчиках».

Следуя советам опытных лиц, Михаил решил явиться в Москву не ранее, чем соберет достаточно многочисленное дворянское войско. Он отдал прямое распоряжение членам Государева двора — стольникам, стряпчим и жильцам быть на службе с ним «в походе к Москве». Наконец власти известили Романова, что больше «на Москве стольников и дворян больших и стряпчих нет никого»; «да и городовые, государь, дворяне многие поехали к тебе, государю». В самом деле, Михаилу удалось вызвать в ставку уездных детей боярских из близлежащих городов — Костромы, Ярославля, Ростова, Переяславля Залесского, Пощеконья и Романова. «Списки есть и неты» (явившихся на смотр и нетчиков) были 25 апреля отправлены в столицу.

Годунов устроил генеральный смотр дворянам в Серпухове, Романов — в селе Любилове 25 апреля 1613 года. Казалось бы, руководить проведением смотра должны были боя-

ре, находившиеся при особе государя. Но дело было поручено двум доверенным лицам, не имевшим думных чинов, — князю Афанасию Лобанову и Борису Салтыкову.

Царь Михаил на смотре не присутствовал. В тот день он находился в селе Сватково.

Смотр был проведен с соблюдением всех правил, после чего Михаил отправил смотренные списки боярскому руководству: «дворяне и стольники и стряпчие с нами все; а что с нами дворян больших и стольников и стряпчих и дворян выборных из городов, и мы к вам послали имянной список».

Тех, кто не выполнил царский указ и не явился в стан к государю, ждала суровая кара. Михаил приказал отписать у них в казну поместья и вотчины, людей их выслать вон из имений, «и крестьяном тех помещиков слушать ни в чем не велеть». К царской грамоте приложен был список нетчиков, среди которых были Бутурлин, Колычев, Головин, Гагарин и пр.

Смотр 25 апреля имел не менее важное значение, чем выборы 21 февраля. Собранные в царском лагере дворяне страны продемонстрировали полную поддержку вновь избранной династии. Те, кто выступил против Михаила Романова, не считали его избрание на трон делом окончательно решенным. Посылка смотренных списков в столицу должна была убедить всех, что избрание Михаила является фактом и пересмотру не подлежит.

Опора на дворян помогла Романовым преодолеть сопротивление аристократической думы. Навязанное казаками решение приобрело законную силу после того, как его поддержало столичное и провинциальное дворянство.

Избирательная кампания уже с первых дней обнаружила, что на стороне Романовых выступает меньшинство как в думе, так и на соборе. После 21 февраля романовская родня и сторонники отправились в ставку Михаила. Партия Романовых окончательно ослабила свои позиции. Поначалу немногие из власти имущих, оставшихся в столице, верили в успех казачьего кандидата. Федору Шереметеву понадобил-

ся незаурядный талант политика и дипломата, чтобы усадить Михаила на трон.

Земский собор уверял Романова, что в Москве все готово для его приема. Но известия, поступавшие из столицы, говорили совсем о другом. Царь бранил подданных за ложь: «Вы де нам били челом и говорили ложно всего Московского государства ото всех чинов людей, что всякие люди перестали ото всякого дурна и учинились в соединенье, и междуусобная кровь крестьянская перестала литься».

В самом деле, казаки продолжали волноваться, требовали платы и в любой момент могли учинить новый мятеж. В столице было неспокойно из-за недостатка продовольствия, постоянных грабежей и разбоя. В грамотах к боярам царь приказывал положить конец беспорядкам, «чтоб на Москве и по городам и по дорогам никому ни от кого грабежей и убивства не было».

Сложилась ситуация, при которой бояре не могли ничего потребовать от государя, тогда как царь предъявил думе и собору жесткие требования. Не располагая рычагами власти, окружение Михаила должно было идти привычным путем: возложить на Боярскую думу и собор исполнение самой насущной и трудноисполнимой задачи — немедленного восстановления безопасности и порядка в столице и по всей стране. Разрешить эту задачу в короткий срок было попросту невозможно.

Движение царского кортежа в Москву затрудняла весенняя распутица и еще больше — новые неблагоприятные вести. 23 апреля в царский лагерь в село Сватково под Троице-Сергиевым монастырем явились дворяне, везшие грамоту царю из столицы. В Подмосковье они были ограблены казаками донага и изранены саблями. Несколько дней спустя «воровские» казаки ворвались на посад в Дмитров и учинили там грабеж. Было установлено, что ранее они служили в станице Степана Неустроева из полка Дмитрия Пожарского. Подняв бунт, казаки бежали из Москвы и выбрали себе нового атамана.

Строгие предписания на имя Мстиславского с товарищами о наведении порядка не давали желаемых результатов, и окружение Михаила искало поддержки тех сил, которые фактически располагали властью в столице. Будучи в Троице-Сергиевом монастыре, царь созвал собор с участием церковных властей, членов думы, дворян Государева двора и городовых, голов и сотников стрелецких, атаманов и казаков. Царь выступил перед ними «с великим гневом и со слезами», жалуясь на злодеяния людей, которые чинят убийства и грабежи в столице, по городам и на дорогах. Говорилось, конечно же, о казаках. Но Михаил обличал «воров великих», не уточняя, о ком идет речь. Под конец государь грозил, что не поедет из Троицы к Москве до тех пор, пока в стране не будет наведен порядок и прекращен разбой на дорогах.

В надежде на награду в царский стан продолжали стекаться казаки. Им выдавали по 6 денег на атамана и 5 денег на казака в день и фураж на лошадей. Такое жалованье никак не могло устроить служилых казаков. Они прекрасно уразумели, против кого направлены были решения собора в Троице и заволновались. На другой день после собора многие из казаков побежали из царского стана к Москве, а «дорогой едучи, многих людей грабили». Михаил тотчас известил Мстиславского, что атаманы при нем «ныне все, а казаки в Троице остались немногие». Наибольшая опасность заключалась в том, что неповинование царю оказали казаки, еще недавно ратовавшие за его избрание.

На троицком соборе решено было срочно отправить в Москву посольство во главе со стольниками Петром Ивановичем Шереметевым, князем Алексеем Львовым и архимандритом Чудова монастыря Авраамием. В состав посольства вошли представители всех соборных чинов. Посольство должно было предъявить Земскому собору в Москве требование немедленно унять разбой на дорогах и очистить путь государю в столицу. Соборные чины напоминали Земскому собору в Москве, что его члены по своей воле «обрали» царем Михаила и принесли ему присягу.

Михаил отправил с послами приказ арестовать мятежников-казаков, бежавших из-под Троицы, и бросить их в тюрьму. Послы привезли именной список «воров».

В Москве власти употребляли все средства, чтобы овладеть положением. Прежде всего они старались удалить из столицы казачьи сотни. 19 марта 1613 года на литовскую границу было отправлено 2323 казака из состава ополчения. Несколько сотен отправились в Псков.

Переписка двух соборов — троицкого и московского — показывала, что окружение Романова искало опору в столичном Земском соборе. Без собора коронация Михаила была невозможна.

Крайнюю тревогу в царском стане вызвали казанские вести. Утрата Новгорода и Смоленска подняла значение Казани как крупнейшего города после Москвы. Весной 1613 года казанцы собрали рать и послали ее по приказу земских властей в столицу. Весть о царском избрании застигла казанских воевод в Арзамасе. Посланцы Земского собора хотели, чтобы ратники немедленно принесли присягу Михаилу, но их предводитель дьяк Шульгин воспротивился присяге. Дьяк управлял Казанью с того времени, как народ по его указке убил Богдана Бельского, а Морозов ушел под Москву. Шульгин заявил: «Без казанского совета креста целовали, не хочу». С ближайшими «советчиками» дьяк решил спешно вернуться в Казань.

Выступление Казанского государства грозило поколебать позиции Романова. Поэтому власти постарались перехватить Шульгина в пути. Они снарядили погоню и арестовали дьяка в Свияжске. Позже его уморили в сибирской ссылке.

Михаил принял под свою высокую руку распадающееся царство. «Новгородское государство» перешло под власть шведов. России грозила война со Швецией и «Новгородским государством».

Государева свита росла по мере приближения царского поезда к столице. Михаил предписал думе прислать ему десять шатров. Для кого они предназначались? Для дворян из

его окружения или для членов думы, когда те наконец выедут навстречу великому государю?

Приказным удалось отыскать парадный шатер суконный, «четвероугольный». Кроме того, Мстиславский подарил царю два своих шатра полотняных, «двоеверх». Глава думы был много богаче Михаила Романова и мог позволить себе такие подарки.

Нашлись еще шатер кизилбашский (персидский) «белой, круглой», «палатка вишнева» и несколько других шатров.

Первоначально Михаил адресовал свои грамоты московскому собору, обозначая по имени только высшего иерарха церкви. После 7 апреля в ответах собора царю вместо безымянного перечня чинов (боярам и прочим) начинает фигурировать глава думы «холоп твои Федорец Мстиславский». В его грамотах исчезает ссылка на митрополита.

После 13 апреля Романов пишет грамоты в Москву, адресованные Мстиславскому с товарищами.

Составляя очередную грамоту, писец Земского собора по привычке написал было: «...мы, холопи твои, Дмитрий Трубецкой да Дмитрий Пожарский», но тут же спохватился и вычеркнул имена земских вождей.

В переменах такого рода усматривают доказательство того, что Семибоярщина вскоре же вернула себе власть в царствующем городе. Но это едва ли так. Обращение царя к Мстиславскому подкрепило претензии боярского руководства, но сам царь еще не был коронован, а Мстиславский, помогавший полякам жечь Москву и проливший кровь земских ратников и москвичей, утратил всякий авторитет в народе. Пока Мстиславский добился лишь соблюдения этикета, а подлинная власть была у тех, кто мог опереться на войско.

Примечательно, что в апреле Михаил получил из Москвы два запроса, когда и где его встречать. Один запрос был сделан Федорцем Мстиславским, а другой отдельно Митькой Трубецким и Митькой Пожарским.

Окружение Михаила хорошо рассчитало свои действия. Если бы после наречения Михаил без промедления явился в

столицу, он неизбежно стал бы игрушкой в руках земских вождей и казаков, на стороне которых была сила.

С большим запозданием 30 апреля Земский собор постановил выслать навстречу царю боярина князя Ивана Воротынского. Князь занимал в думе особое положение. Мстиславский с товарищами по требованию Гонсевского изгнали его из Семибояршины. Но и в земской лагерь он не перешел.

Воротынского сопровождали боярин Василий Петрович Морозов, окольничий князь Данила Мезецкий, девятнадцать дворян и тридцать семь атаманов и казаков, а также десять конных стрельцов. Состав посольства давал некоторое представление о составе столичного гарнизона.

1 мая 1613 года послы прибыли в село Братошино и били челом старице Марфе и ее сыну, чтобы царь соизволил идти в столицу.

Внутри московского гарнизона соотношение сил стало постепенно меняться. Это позволило властям приступить к разработке жестких мер. 30 апреля митрополит и бояре получили царскую грамоту о пресечении воровства. На основании грамоты власти «заказ учинили крепкой, а атаманы и казаки меж себя говорили, что у одного атамана чрез день его станицы казаков смотреть дву атаманом, и которое воровство сышут, и его, не потояв, тотчас про него скажут, и за воров в человитчиках быти не хотят».

Царскую грамоту и боярский приговор огласили в Успенском соборе Кремля в присутствии казаков.

Ляпунов пытался бороться с непорядками и грабежом и погиб под казацкими саблями. В расправе с ним участвовало все войско — круг. То же самое войско находилось теперь в Кремле.

Михаил помнил о судьбе думного дворянина и действовал осторожно. Дума довела приговор о воровстве до сведения круга («атаманы и казаки меж себя говорили») и добилась его одобрения. Круг согласился с тем, чтобы к каждому атаману в станицу являлись через день два атамана из соседних станиц и устраивали смотр — проверку наличия станич-

ников. Сыскав воров, сами же казаки должны были выдать их на расправу боярам.

Глашатаи объявили «в казачьих таборех», чтобы воровства и корчев «не было нигде». Объявление было подкреплено практическими мерами. Разрядный приказ расписал по улицам столицы «объезжих голов» — вооруженные патрули, которые должны были обеспечивать безопасность населения.

Почти два года казацкое войско осаждало столицу, добывая еду реквизициями, иначе говоря, грабежом. Надеясь на то, что борьбу с грабежами можно поручить самим же казакам, было опрометчиво. Покончить с грабежами можно было только силой, а сил у бояр было немного.

Московские власти поспешили донести государю, что его указ выполнен: голова Горихвостов с сотней стрельцов послан по коломенской дороге, а голова Протопопов — по троицкой. Оба донесли, что воров не видели. Посланцы предполагали действовать неподалеку от столицы и столичных укреплений и, видимо, не искали столкновений с воровскими казаками. Власти откровенно оправдывали их: «которые воры, государь, и отъезжая от Москвы верст за тридцать и за сорок и за пятьдесят и болши, воруют и грабят и побивают, и на тех, государь, воров нам, холопем твоим, посылати посылок некого: дворян и детей боярских с нами ...на Москве мало».

А между тем казацкие грабежи усиливались. В 1614 году Яков Делагарди доносил из Новгорода: «казаков слишком много в стране, и они самовольно разъезжают повсюду и стоят порознь тут и там, держа сторону то великого князя Московского, то Заруцкого, то сохрания нейтралитет; всюду они грабят, жгут, убивают и творят такие жестокости с боярами, горожанами и крестьянами, женщинами и детьми, о каких никогда не слыхано и от язычников».

Дворяне, самое малочисленное сословие, понесли в годы гражданской войны чудовищные потери. Они гибли и низводились вместе с прочим народом. Опора трона становилась все более зыбкой. Казачество в годы Смуты разрослось и претерпело перерождение. Вольные казаки покидали табо-

ры и возвращались в свои зимовья. Но все большее их число оставалось на царской службе, сохраняя привычки вольницы. Превращение казачества в служилое сословие произошло, однако, не в Смуту, а много позже.

В Москве было неспокойно. Власти старались все предусмотреть. Сохранился черновик грамоты с вопросами бояр, обращенными к царю: «кому из нас, бояр, навстречу к нему, государю, быти», когда и в котором месте «бояром встречасти и полком; дворяном и детем боярским с бояры быть ли, и пешим атаманам, казаком и стрельцом», выйти ли «встречати государя за город и оружие с собою им иметь ли?»

Дворяне должны были встретить царя «полком», то есть в конном строю, атаманы и казаки — в пешем. Вопрос об оружии выдавал страх бояр перед возможными беспорядками.

КОРОНАЦИЯ

2 мая царь Михаил прибыл наконец в столицу. Его встречали Священный собор «с крестами», дума, войска и население столицы. Церемонии недоставало размаха. За годы осады половина столичного населения разбежалась, спасаясь от обстрелов из Кремля. Руины сожженного города не были застроены. В колокола звонили в уцелевших звонницах.

Авторы «Сказа» сообщают, что казаки «все, выехав из Москвы, сташа в поле». Часть казаков отосланы были на границу, но казацкое войско представляло внушительную силу. Атаманы и казаки приветствовали государя, которого фактически они посадили на царство, но которого и в глаза не видели.

Старица Марфа познала нужду сначала в ссылке, а потом в Москве в осаде и, прежде чем вернуться в Кремль, много раз запрашивала бояр, есть ли к цареву приезду во дворце запасы и откуда надеются их получать. Из Москвы отвечали, что ныне в государевых житницах запасов много.

Марфа не поверила отписке. Когда приказные составили распись запасам, выяснилось, что хлеба и продовольствия в кормовых приказах так мало, что их не хватит даже на государев приезд, а денег «ни в котором приказе в сборе нет».

Как женщину практичную, Марфу беспокоил вопрос, найдет ли она приличное ее сану жилище в разоренном Кремле. На первых порах старица думала поселиться в деревянных хоромах вдовы Шуйского, а сыну прочила Золотую палату царицы Ирины Годуновой с сенями. Но у бояр было свое мнение на этот счет. Они считали важным подчеркнуть родство Романова с династией Грозного. Только это родство давало Михаилу право на царство. Мстиславский с товарищами известили Марфу, что они уже изготовили для Михаила «полату золотую, что от Благовещенья к Красному крыльцу, да от нее сени передние, полату переднюю, да две комнаты, где живал Государь царь и великий князь Иван Васильевич, что слыл Чердак Государыни царицы Настасьи Романовны». Указание на царицын Чердак весьма удачным образом подкрепляло претензии Романовых на родство с первым царем.

Дума также подготовила для Михаила Грановитую палату, а для Марфы — хоромы в женском Вознесенском монастыре. Во дворце на старом месте была построена мыленка.

Те постройки, которые приглянулись матери Михаила, оказались разорены дотла. Палаты и хоромы в них все были без кровли. Лавок, дверей и окошек в них давно не было. Делать все пришлось бы заново, а деньги в казне отсутствовали, и плотников в столице было мало, и леса пригодного скоро было не добить.

Соперничество между старшими боярами и земским правительством мешало собору предпринять какие бы то ни было шаги к ограничению власти самодержца.

Еще 14 апреля 1613 года собор постановил составить Утвержденную грамоту, иначе говоря, приговор Земского собора об избрании Михаила. За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывая в уста Михаила

слова Бориса к собору, заставляя старицу Марфу Романову повторять речи инокини Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону «братаничу» Федору Романову.

Как значилось в грамоте, самодержец принимает скипетр Российского царства для утверждения «истинные наше православные веры и чтобы господь Бог его государьским призванием» «вся благая Московскому государству устроил».

Составители грамоты всего подробнее расписывали обязанности подданных по отношению к монарху. Они должны были служить царю и его детям «верою и правдою, всеми душами своими и головами»; «свыше своего отечества и службы, помимо царского повеленья, чести себе никакой не хотети и не искати; и поместья и вотчины держати по своей мере, чем кого государь пожалует».

На изготовление грамоты ушло несколько недель. Подписание ее заняло несколько лет — с лета 1613 года до 1617 года. Первыми подписали грамоту Федор Мстиславский (первая строка слева), Дмитрий Трубецкой (вторая строка слева) и Федор Шереметев (третья строка слева). Окольничий Федор Головин расписался за себя и за боярина князя Андрея Куракина (четвертая строка). Ниже стояло имя князя Пожарского (пятая строка слева). Позже на первой строке справа появилась подпись Ивана Голицына, на третьей строке — князя Ивана Воротынского и Ивана Меньшого Одоевского, на пятой строке — Василия Морозова и Бориса Салтыкова. Из бояр грамоту подписали также Иван Куракин, Григорий Ромодановский, Иван Хованский (за него руку приложил Пожарский) и на последнем месте князь Иван Черкасский и Иван Романов. Князь Владимир Бахтеяров расписался под окольничими.

Список «рукоприкладств» думных людей пополнялся по мере пожалования думных титулов различным лицам. Каза-

лось бы, эти лица должны были бы фигурировать сначала в низшем чине и лишь затем в боярском чине. Объяснить, каким образом дьяки устранили подобные неизбежные повторы, трудно. Утвержденная грамота хранилась в виде столбца, и приказные собирали подписи на отдельных листах, которые потом подклеивались к столбцу. Возможно, это и позволяло дьякам перекраивать листы с подписями.

Установлено, что дьяки получили приказ собрать подписи прежде всего у выборных из городов, чтобы они могли скорее покинуть столицу и не нести расходов. Вскоре же власти оказались завалены неотложными текущими делами, а Утвержденная грамота утратила злободневность, вследствие чего дело ее подписания затянулось на годы.

В отличие от Годунова Михаил не позаботился о том, чтобы собрать подписи у всех членов собора поголовно. Выборные из городов выделяли из своей среды грамотея — дворянина либо посадского человека, реже стрельца, и тот подписывал разом за всех представителей своего города и уезда.

На коронации Михаила земские бояре тщетно пытались добиться признания их старшинства. Правитель Трубецкой пробовал местничать с самим Иваном Романовым, но его быстро одернули. Царь оказал честь дяде Ивану Романову, велел ему держать перед собой шапку Мономаха. Трубецкому пришлось довольствоваться более скромной ролью. Он нес скипетр. Пожарский также участвовал в церемонии коронации. Ему поручили держать золотое яблоко. Князь Мстиславский вновь оказался героем дня. Как самый знатный из бояр, онсыпал молодого царя золотыми монетами.

В Москве все ждали первых распоряжений самодержца, которые должны были определить курс государства.

Исаак Масса подробно описал первые действия коронованного государя, которые обнаружили «добрые признаки» и стали своего рода знамением. Тотчас после коронации Михаилу доложили о важном проступке одного господина и предложили наказать виновного. Ждали суровой кары для провинившегося. Но Романов не зря побывал в тюремных сидельцах. Он считал благоразумным не придавать значения

доносу и отвечал сановникам: «Вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают охотиться лишь с летами». Шутка обнаружила, что Романову не чуждо было чувство юмора. По существу же, решение царя стало своего рода вехой. Молодой государь своим постановлением доказал, что не намерен прибегать к репрессиям ради установления своей неограниченной власти. Последующие события показали, что Михаил не умел распорядиться доставшейся ему огромной властью и расстался с ней, как ребенок расстается с игрушкой. При молчаливом согласии монарха Боярская дума, глубоко скомпрометировавшая себя сотрудничеством с поляками, по истечении недолгого времени вернула себе власть. Никаких действий для ограничения власти боярского правительства самодержец не предпринимал.

В первые годы царствования Михаила дела шли вкривь и вкось. В августе 1614 года Масса писал, что Россия в опасности: царь избран, ему «около двадцати лет от роду». Но «земля Московская до сих пор не может получить от него ни теплоты, ни света». Два года спустя Масса утверждал, что правление Михаила Федоровича долго не продлится, если «правление остается в прежнем состоянии».

Пророчества Массы о будущем России противоречивы. В стране скоро воцарится мир, если царь будет милостив к подданным. В другом случае голландец предрекал, что в Московии «все пойдет хорошо тогда лишь, когда царь по локти будет сидеть в крови».

Михаил Романов не хотел следовать примеру Грозного. При всей вялости ума Михаил Романов понимал, что ему не видать бы короны, если бы войско Пожарского не очистило Москву от вражеских отрядов. Члены собора и народ требовали признания заслуг выборного земского воеводы. Подчиняясь общему настроению, царь в самый день коронации объявил о пожаловании стольнику Пожарскому боярства. Но прежде стольника тот же чин получил князь Иван Борисович Черкасский. Порядок пожалования был глубоко символичен. Князь Пожарский возглавлял мартовское восстание

в Москве в 1611 году, князь Черкасский помогал иноземцам подавлять его. Позже Иван Черкасский сражался с передовыми отрядами ополчения, но был взят в плен.

Кузьме Минину более, чем кому бы то ни было другому, обязана была Москва своим освобождением. Совет ополчения по решению «всех земли» наградил его за московское взятие большой вотчиной. Но заслуги Минина перед казнью все же не получили должного признания. Не он, а Траханиотов получил чин казначея и возглавил Казенный приказ.

То, что после наречения на царство Михаил стал писать грамоты Мстиславскому с товарищами, вопреки распространенному мнению не означало передачи власти из рук земского правительства в руки Семибоярщины. Переворот произошел позже, когда в ход былпущен местнический таран.

Иван Грозный казнил боярина Александра Горбатого, покорителя Казани. Правитель Борис Годунов приказал тайно умертвить боярина князя Ивана Шуйского, остановившего вторжение короля Батория под стенами Пскова. Братья Шуйские, по всей видимости, отравили князя Михаила Скопина, освободившего Москву от многолетней осады.

Пожарский изгнал поляков из Кремля. Судьба была к нему милостивее, чем к другим выдающимся военачальникам. Однако же царь Михаил и его мать не простили князю того, что он домогался трона и, возможно, потратил на выборы больше денег, чем сами Романовы. Любое поражение на границах могло привести к свержению Михаила. Популярность Пожарского была велика, и его можно было считать серьезным соперником.

Свои главные победы Пожарский одержал в войне с войсками Семибоярщины и короля. Военное положение России оставалось критическим. Князь Дмитрий был одним из немногих воевод, способных возглавить армию. Но вернувшись к власти бояре постарались положить конец его карьере. Земский воевода остался не у дел.

Когда стольник Пожарский был произведен в бояре, объявить государеву милость поручили Гавриле Пушкину. Как думный дворянин, Пушкин занимал в думе невысокое по-

ложение. Тем не менее он отказался выполнить царское распоряжение и затеял местническую тяжбу с князем. Земский воевода, уверенный в прочности своего положения, не оценил опасности и не подал встречного иска.

Прошло полгода, и Пожарский осознал, что не получит никаких воеводских постов, пока не заставит бояр считаться со своим «родословием».

В конце 1613 года царь поручил Пожарскому объявить двору и народу о пожаловании в бояре Бориса Салтыкова. Пожарский, уповая на свои заслуги и популярность, заместничал с ним. Ослушавшись царя, князь съехал к себе на двор, сказавшись больным. Власти решили наказать Пожарского и послали за ним дворянина Перфилия Секириня, служившего при нем в Ярославле. Секирин отвел воеводу на двор к Борису Салтыкову. Выданный головой Пожарский должен был поклониться своему недругу до земли и, стоя на коленях, выслушать все, что тот скажет.

Невозможно было придумать худшего унижения. Поражение в местническом споре фактически лишило Пожарского права занимать высшие военные посты в государстве.

Семибоярщина могла торжествовать победу над военачальником, свергшим ее и освободившим Москву.

Устранить главу земского триумвиата Трубецкого с помощью тех же средств было невозможно. Воевода принадлежал к одной из самых знатных фамилий России. С ним поступили иначе: его назначили в действующую армию. Главный соперник Романова на выборах был удален из столицы и тем самым лишился власти.

Борьба за изгнание захватчиков с русских земель могла бы иметь успех, если бы русское командование сосредоточило все свои силы на одном направлении. Но этого не произошло.

Пожарский старался не допустить одновременной войны с Речью Посполитой и Швецией, и его дипломатические усилия увенчались успехом. Отстранив земских воевод от руководства, правительство отказалось также и от выработанного ими курса.

Сигизмунд III не отказался от планов завоевания России. Его войска вновь и вновь пересекали русские рубежи. Они сожгли Козельск, Болхов, Перемышль и показались у стен Калуги. Чтобы не допустить врага к столице, русское командование направило на запад земских воевод Дмитрия Черкасского и Михаила Бутурлина со значительными силами. Они отогнали неприятеля от Калуги, освободили Вязьму, Дорогобуж, Белую, а затем осадили Смоленск. Под Смоленском командование сосредоточило 12-тысячное войско. Ровно половину из него составляли казаки.

В разгар боевых действий под Смоленском правительство направило под Новгород князя Дмитрия Трубецкого с более чем пятитысячной ратью. Последняя тысяча казаков, некогда осаждавших Кремль, покинула столицу вместе с ним.

Распылив силы, русское командование не сумело освободить ни Смоленска, ни Новгорода.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Смута подорвала мощь дворянского ополчения. Множество дворян погибло в братоубийственной войне. Еще больше разорились или лишились поместий. В то время как оскудевшие дети боярские «волочились под окны» и просили милостыню, другие завладели обширными вотчинами, никак не соответствовавшими ни их «породе», ни службе предков.

Современники в идиллических тонах описывали земельные пожалования царя по случаю коронации. «А московских боляр и всяких чинов людей, которые седели в Московском царстве в осаде с литовскими людьми, которые были в Литве у короля и в Тушине и в Калуге и при воре второлживом Дмитреи, и тех государь всех пожаловал для своего царского венца, наипаче же свыше первого, по их достоинству честию и пожитком, и совокупися вся земля Русская ему государю служити».